

Светлана Викторовна ПрищенкоОмский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, Омск, Россия
e-mail: prishenko_svetla@mail.ru

Историческая эмпатия как герменевтическая практика. Механизмы перспективного принятия

Аннотация. В данной статье исследуется историческая эмпатия как методологическая практика преодоления проективного понимания и анахронизмов в историческом познании. Анализируя критические подходы Ницше, Фуко, Коллингууда и Бенямина, автор обосновывает необходимость реконструкции уникальных систем координат исторических субъектов через перспективное принятие (когнитивную реконструкцию мотиваций и контекста) и герменевтический диалог исторических культурных горизонтов. Цель практики — минимизация проекции современных исторических и социальных категорий на прошлое при сохранении рефлексии об укорененности исследователя в настоящем.

Ключевые слова: историческая эмпатия, герменевтика, анахронизм, проективное понимание, перспективное принятие, эпистема, историческое сознание, герменевтический круг.

Svetlana V. PrishchenkoOmsk State Pedagogical University, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of General History, Sociology and Political Science, Omsk, Russia
e-mail: prishenko_svetla@mail.ru

Historical Empathy as a Hermeneutic Practice. Mechanisms of Perspective-Taking

Abstract. The article examines historical empathy as a methodological practice for overcoming projective understanding and anachronisms in historical research. Analysing the critical approaches by Nietzsche, Foucault, Collingwood, and Benjamin, the work substantiates the need to reconstruct the unique frames of reference of historical subjects through perspective-taking (cognitive reconstruction of motivations and context) and a hermeneutic dialogue of horizons. The practice aims to minimise the projection of modern historical and social categories onto the past while maintaining reflection on the researcher's embeddedness in the present.

Keywords: historical empathy, hermeneutics, anachronism, projective understanding, perspective-taking, episteme, historical consciousness, hermeneutic circle.

Введение (Introduction)

Специфика исторического познания коренится в его парадоксальной природе — оно представляет собой попытку понять прошлое, которая осуществляется из перспективы настоящего, чьи рамки, в свою очередь, также исторически обусловлены языком, культурными нормами и эпистемологическими парадигмами. Как убедительно показал Ханс-Георг Гадамер, наше понимание прошлого всегда обусловлено исторически сложившимися предпосылками, конституирующими саму «историческую действительность нашего бытия» [1, с. 305]. Такая онтологическая обуслов-

ленность исследователя контекстом сегодняшних реалий порождает феномен проективного понимания истории как особой методологической позиции, при которой философские категории мышления, ценности и психологические модели поведения проецируются на исторические события, явления и процессы, а также на действия исторических акторов. Историческая эмпатия как герменевтическая практика предлагает выход из этой сложной ситуации через так называемое перспективное принятие. Этот подход предполагает не просто когнитивную реконструкцию мотиваций исторических акторов, но и признание онтологической дистанции

© Прищенко С. В., 2026

Для цитирования: Прищенко С. В. Историческая эмпатия как герменевтическая практика. Механизмы перспективного принятия // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 27–31. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-27-31

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

и диалогического характера такого понимания. При этом важным аспектом этого подхода является необходимость того, чтобы голос прошлого не поглощался нарративами настоящего, а вступал с ним в конструктивный диалог и взаимодействие. Это становится особенно ценным для осмысления трагических периодов истории (войны, революции, геноцид, массовые репрессии) в случае, когда проективное понимание служит инструментом для оправдания или осуждения действий отдельных исторических акторов или социальных групп, блокируя подлинное признание их инаковости. Таким образом, историческая эмпатия предстает не только как способ преодоления исторического анахронизма, но и как фундаментальная этическая позиция в отношении прошлого, которая требует от историка постоянной рефлексии о границах собственного исследовательского горизонта с учетом когнитивных искажений нашего мышления и признания инаковости прошлого. В современных реалиях роста исторического сознания, поиска личной и групповой идентичности концепция исторической эмпатии является значимой для формирования ответственного отношения к прошлому и, как следствие, к настоящему.

Цель исследования — интерпретировать историческую эмпатию как герменевтическую практику, направленную на преодоление анахроничного проецирования настоящего на прошлое в процессе исторического познания.

Методы (Methods)

В ходе написания статьи применялся комплекс герменевтических методов, использование которых направлено на анализ исторической эмпатии как практики преодоления проективного понимания и анахронизмов в историческом исследовании. Так, философско-герменевтический анализ использовался для выявления имплицитных предпосылок, выстраивания логики аргументации, онтологических оснований проективных концепций прошлого и онтологических ограничений исторического познания. С помощью концептуально-теоретического анализа проведена операционализация понятия «историческая эмпатия» через различение его с эмоциональным слиянием. Одним из инструментов исследования стала интеллектуальная история, которая позволила проследить генезис ключевых идей, связанных с пониманием и интерпретацией прошлого, увидеть их системные отличия от современных интерпретаций и реинтерпретаций, предоставив тем самым весомые аргументы против анахронистических проекций.

Литературный обзор (Literature Review)

Основы теоретико-методологического обоснования понимания мотивов и мышления исторических акторов разрабатываются в рамках концепции исторической эмпатии и смежных герменевтических подходов. Так, работы Р. Дж. Коллингвуда заложили философский фундамент исторической эмпатии, рассматривая понимание истории как переосмысление мысли, появившейся в прошлом, в ее контексте [2]. Это когнитивно-герменевтический акт, требующий от историка поместить себя в положение агента прошлого, понять его вопрос и рациональность ответа. Х.-Г. Гадамер рассматривал историческую эмпатию как

диалогический процесс, где интерпретатор осознает свою собственную историчность и вступает в продуктивный диалог с инаковостью прошлого [1]. Йорн Рюзен видел в ней способность воспринимать прошлое в его инаковости и интегрировать его опыт в собственное смыслополагание через нарратив, что, несомненно, является герменевтической практикой [3]. Франклин Анкерсмит рассуждает об опыте радикальной встречи с инаковостью прошлого, который разрушает наши привычные категории и требует новой репрезентации [4, с. 102–150]. Марк Бевир развивает логику исторической эмпатии, основанную на понимании убеждений исторических акторов в их рациональности относительно их собственных «предпосылочных комплексов» [5]. Термин «историческая эмпатия» в его англо-американской трактовке не является широко употребительным в российском академическом дискурсе. Однако проблемы понимания прошлого, герменевтики исторического познания, диалога с Другим в российской исторической антропологии активно разрабатываются. Так, работы Л. Репиной затрагивают проблемы понимания прошлого, интерпретации, роли историка как посредника в процессе толкования истории. Она активно использует герменевтический подход и концепцию «диалога культур» применительно к историческому познанию, что имплицитно включает задачи, сходные с исторической эмпатией [6]. В работах М. Бойцова подчеркивается важность «странного» и «инаковости» прошлого, необходимость избегать автоматических проекций современности [7]. С. Аверинцев в своих работах стремится понять текст и культуру «изнутри», реконструировать их внутреннюю логику и систему ценностей, избегая модернизаций, что напрямую соотносится с задачами исторической эмпатии как понимания [8].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Фундаментальная обусловленность исследователя его собственным историческим бытием была глубоко осмыслена философами XX в., поставившими под вопрос саму возможность «объективного», или «независимого», взгляда на прошлое. В частности, Ф. Ницше в работе «О пользе и вреде истории для жизни» яростно критиковал подходы к истории, которые не служат жизни настоящего. Он выделял, в частности, «антикварную» историю, которая делает прошлое окаменевшим, превращая его в музейный экспонат, и «монументальную» историю, которая ищет в прошлом лишь героические примеры для подражания в настоящем. Обе эти формы, по Ницше, легко становятся инструментом проекции: антикварная история проецирует на прошлое современные категории коллекционирования и сохранения, лишая его динамики и контекста, а монументальная — одевает на него современные идеалы и потребности, вырывая события из их уникального контекста. «Прошлое всегда опасно, если не подвергается критической переоценке с позиций жизненной необходимости», — писал Ницше, предупреждая о его способности подавлять настоящее [9, с. 172]. Мишель Фуко в работах «Слова и вещи» и «Археология знания» ввел понятие «эпистемы» (épistémè) — исторически изменчивой системы мышления, определяющей фундаментальные условия возможности знания, его категории,

объекты и методы в определенную эпоху. Эпистема — это неосознаваемая самими мыслителями эпохи структура, которая организует их восприятие реальности. По мнению Фуко, эпистемы между собой несоизмеримы. Когда мы пытаемся мышление одной эпохи, например Ренессанса, объяснить с помощью категорий современного исторического и социального дискурса, то получаем грубые искажения и анахронизмы. Мы не можем понять прошлое «на его собственных условиях», без реконструкции специфики его мыслительных процессов и механизмов. Следуя логике Фуко, задачей истории является не столько фиксация последовательности идей, сколько выявление «эпистем», которые и делают возможным появление различных высказываний, теорий и концепций в разные исторические эпохи [10]. Понимание прошлого — это не столько про знание фактического материала, сколько про реконструкцию самой «оптики» видения мира, неповторимую для каждого исторического периода. И это одна из самых сложных и трудноисполнимых герменевтических задач для исследователя. Р. Дж. Коллингвуд в «Идее истории» подчеркивал важность «переосмысления мыслей» исторических агентов в их собственном контексте, прекрасно осознавая трудности этого предприятия. Историк неизбежно подходит к прошлому со своим собственным интеллектуальным багажом и вопросами, порожденными настоящим. Задача «переосмысления» — это не простое воспроизведение, а критическая реконструкция, требующая воображения, основанного на свидетельствах, и постоянной проверки на предмет анахронизмов. Сама попытка понять, «почему человек сделал то, что он сделал» [2, с. 243], уже предпринимается из горизонта настоящего. Риск проекции заключается в том, чтобы приписать историческому агенту мысли, которые были бы логичны для нас в нашей ситуации, но не для него в его условиях. Следовательно, «переосмысление», по Коллингвуду, — это не пассивное копирование, а активный, критически нагруженный акт исторического воображения, постоянно балансирующий на грани между пониманием Другого и угрозой собственных проекций.

В своих тезисах «О понятии истории» Вальтер Беньямин резко критиковал традиционный «историзм», который, по его мнению, стремится увидеть прошлое «как оно было на самом деле», но на деле лишь «вплетает» события прошлого в триумфальное, прогрессистское повествование настоящего (обычно победителей). Это и есть суть проективного понимания: прошлое лишается своей автономии и становится лишь ступенькой к настоящему, его мотивы и ценности подменяются современными. Беньямин призывал к «грубой мысли», способной «вырвать» прошлое из континуума господствующей истории, чтобы увидеть его собственную нереализованную альтернативность и вступить с ним в диалог из настоящего, но не для его оправдания. «Исторический материалист... осознает, в какой мере даже мертвым угрожает опасность оказаться во власти врага, который продолжает побеждать» [11, с. 238].

Такой подход интерпретирует прошлое «извне», исключительно через призму современного «Я», игнорируя необходимость реконструкции уникальной системы координат исторических субъектов. Следствием этого неизбежно ста-

новится анахронизм — приписывание явлениям и мотивам прошлого смыслов, имманентных исключительно нашей эпохе, что искажает подлинное историческое понимание. Конкретными проявлениями такого анахронизма являются те, когда историки безоговорочно применяют современные экономические, психологические и социологические категории к историческому прошлому, произошедшему задолго до момента появления этих категорий в научном дискурсе. Как часто мы видим поиск «национального самосознания» или «классовой борьбы» в обществах, где такие категории либо были нерелевантны, либо понимались совершенно иначе (например, в средневековых сословных обществах или древних полисах). Или даем моральные оценки поступкам исторических фигур или практик (рабство, гендерное неравенство, колониализм) исключительно с позиций современных этических норм, без попытки понять их место в системе ценностей, экономических реалий и мировоззренческих рамках их эпохи. Это не означает оправдания безнравственных поступков, совершенных в ту или иную историческую эпоху, но требует историзации морали. Историческая эмпатия, таким образом, выступает как необходимая защита от этой «колонизации прошлого» современными категориями и ценностными суждениями, позволяя услышать подлинный голос исторических акторов в их собственной смысловой системе. Не редкость в исторических студиях и поиск «предтеч» современных идей через объявление какого-либо мыслителя прошлого «предшественником», к примеру, демократии, прав человека, научного метода и т. д. Это вырывает эти идеи из контекста собственной философской системы и эпохи исторического актора, приписывая смыслы, которые он не мог вкладывать.

Именно на преодоление этой фундаментальной проблемы проективного понимания и анахронизма направлена концепция исторической эмпатии. Историческая эмпатия понимается в данной статье как сознательная методологическая практика, направленная на преодоление проективного понимания и анахронизма через реконструктивное понимание мотиваций, решений и переживаний исторических акторов. Это достигается, во-первых, путем перспективного принятия или когнитивной реконструкции уникальной системы координат (знаний, убеждений, ценностей, целей, социального положения) исторического субъекта на основе критического анализа источников [2]; во-вторых, благодаря контекстуальному пониманию — глубокому учету социальных, экономических, культурных, религиозных и политических условий, формирующих «горизонт возможностей» и логику действий в конкретную эпоху [12].

Историческая эмпатия представляет собой не эмоциональное слияние с прошлым, а сознательную методологическую попытку сдвига с позиции проективного понимания «извне» к позиции реконструктивного понимания «изнутри». Ее цель — не игнорировать неизбежную укорененность в настоящем, а сделать эту укорененность предметом рефлексии и минимизировать ее искажающее влияние через активную реконструкцию уникальной системы координат исторических субъектов. Развитие исторической эмпатии предполагает воспитание исторического сознания, ориентированное на выявление собственных предпосылок, в том

числе на осознание тех современных ценностей, норм и когнитивных схем, которые мы невольно проецируем на прошлое. Очень важной в этом случае является и постоянная рефлексия: не приписываю ли я, как автор исследования, историческому актору смысл или мотив, чуждый его контексту? Обязательным для исследователя является и упоминаемое Гадамером участие в «герменевтическом круге», которое предполагает понимание исторического познания как диалога между нашим «горизонтом понимания» (настоящее) и «горизонтом текста/источника» (прошлое).

Историческая эмпатия — это усилие по расширению и корректировке нашего горизонта за счет максимально аутентичной реконструкции горизонта прошлого через источники и контекстуальное знание, реконструкции через перспективное принятие, которое опирается на критический анализ исторических источников и требует от исследователя мысленного «вхождения» в позицию актора, понимания мира его глазами. Историк должен мысленно воспроизвести опыт, который он пытается постичь. Он должен переосмыслить мысль исторического агента в контексте его собственного мышления [2, с. 269–304]. Важной составляющей также является контекстуальное понимание, глубокий учет широкого спектра социальных, экономических, культурных, религиозных и политических условий, формирующих «горизонт возможностей» и определяющих логику действий в конкретную историческую эпоху. Контекст задает рамки, в которых действовал исторический субъект и которые делают его решения рациональными в его собственной системе отсчета. Важно подчеркнуть, что историческая эмпатия — это не эмоциональное слияние (слияние горизонтов в смысле полного отождествления) с прошлым или его некритическое оправдание. Это сознательная методологическая попытка сдвига от позиции проективного понимания («извне», навязывая прошлому категории настоящего) к позиции реконструктивного понимания («изнутри», реконструируя систему координат прошлого). Историческая эмпатия — это усилие по расширению и корректировке нашего собственного горизонта за счет максимально аутентичной (на основе источников и критического анализа) реконструкции горизонта прошлого. Это не «прыжок» в чужое сознание, а диалог, в котором наше предварительное понимание проверяется и трансформируется при встрече с Другим прошлого, а наше интерпретирующее усилие направлено на реконструкцию его системы. Таким образом, историческая эмпатия выступает как незаменимый инструмент герменевтики исто-

рии, позволяющий преодолеть пропасть между эпохами не через упрощенное отождествление, а через сложную работу по реконструкции и диалогу, и обобщает роль эмпатии как герменевтического инструмента, подчеркивая преодоление разрыва через реконструкцию или диалог. Она требует от историка не только интеллектуальной строгости в анализе источников и контекста, но и постоянной методологической бдительности, направленной на выявление и сдерживание собственных проекций, что в итоге обогащает и углубляет наше понимание как прошлого, так и самих себя, а также акцентирует требования к исследователю (строгость и бдительность) и двойную пользу практики (понимание прошлого через самопознание). Этот процесс, будучи, по сути, бесконечным стремлением к более аутентичному пониманию Другого в истории, не дает окончательных ответов, но постоянно расширяет горизонты исторического познания, делая его подлинно интерсубъективным предприятием, а также подчеркивает процессуальный, незавершенный характер эмпатии, ее роль в развитии познания и интерсубъективную природу истории.

Заключение (Conclusion)

Историческая эмпатия, таким образом, предстает перед нами как ключевое методологическое обоснование деятельности историка, а также как фундаментальная цель исторического образования. Она представляет собой рефлексивный, диалогический процесс, основанный на критическом анализе источников и направленный на реконструкцию перспективы и контекста исторических акторов. Этот процесс по своей сути является герменевтическим: он требует постоянного диалога между горизонтом понимания исследователя и горизонтом прошлого, реконструируемым через источники. Его цель — не достижение абсолютной «истины» о мыслях, поступках и целях исторических акторов, а минимизация проективных искажений и анахронизмов через осознанное усилие по пониманию прошлого в его собственных терминах, насколько это возможно. Воспитание способности к такому пониманию формирует критическое историческое сознание, способное различать инаковость прошлого и избегать ее подчинения нарративам настоящего. Это постоянное усилие по расширению горизонта собственного понимания через встречу с инаковостью прошлого. Таким образом, историческая эмпатия выступает не только как инструмент познания, но и как этический императив исторической науки, направленный на уважение автономии прошлого опыта.

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
2. Коллингвуд Р. Дж. Идеи истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 488 с.
3. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л. П. Репиной. М. : Ин-т всеобщ. истории Рос. акад. наук, 2005. С. 38–63.
4. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 612 с.
5. Bevir M. The Logic of the History of Ideas. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1999. 482 p.
6. Репина Л. П. Память, история и национальная идентичность: «мобилизация» понятий в историко-теоретических исследованиях // Многоликость целого: из истории цивилизаций Нового и Старого Света. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. С. 36–46.
7. Бойцов М. А. «Странное» Средневековье: опыт постижения чужого // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. Вып. 8. С. 7–24.

8. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Coda, 1996. 343 с.
9. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 158–230.
10. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 490.
11. Беньямин В. Учение о подоби. Медиаэстетические произведения / пер. с нем. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2012. 288 с.
12. Endacott J. L., Brooks S. An Updated Theoretical and Practical Model for Promoting Historical Empathy // Social Studies Research and Practice. 2013. No. 8 (1). P. 41–58.